

УДК 82.091

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА М.Н. КАТКОВА*А.Ш. Бик-Булатов***Аннотация**

В статье впервые в отечественной истории обзревается публицистические и литературно-критические выступления М.Н. Каткова, одного из лидеров консервативно-охранительного направления в политической журналистике второй половины XIX в., посвященные А.С. Пушкину. Публицистическая пушкиниана М.Н. Каткова – одна из самых значительных среди его современников и охватывает период с 1838 по 1880 г. Обращение к фигуре А.С. Пушкина у М.Н. Каткова было постоянным во все периоды его журналистской деятельности. Автором статьи анализируются трактовки поэта, данные М.Н. Катковым в разные годы.

Ключевые слова: М.Н. Катков, А.С. Пушкин, публицистическая пушкиниана.

Публицистическое наследие М.Н. Каткова возвращается к читателю XXI в. Выпущенное в последние годы шеститомное собрание его сочинений, несомненно, долгожданный подарок для всех исследователей российской журналистики, политики и литературы второй половины XIX столетия. Многие материалы были опубликованы в книгах этого собрания впервые с 1917 г. И вполне вправе мы теперь ожидать новых работ, посвященных творчеству и взглядам Михаила Никифоровича Каткова.

Нам же хотелось бы заявить в этой статье тему «М.Н. Катков – пушкинист», которой пока что, насколько нам известно, не уделяется должного внимания ни среди исследователей творчества А.С. Пушкина, ни среди исследователей творчества М.Н. Каткова. Работы М.Н. Каткова о А.С. Пушкине были в основном известны и упоминались в научной литературе, но никогда не исследовались специально. И это несмотря на то, что, например, большой литературно-критический трактат о А.С. Пушкине 1855 г. будущего главного реакционера русской печати высоко оценил Н.Г. Чернышевский, назвав его «капитальной статьёй журнала», с которой началась новая история «Русского вестника» как «органа художественной критики» [1, с. 642]. Положительная рецензия Чернышевского на Каткова, казалось бы, вещь, не представляемая в принципе, однако факт этот имелся.

Впечатляет хронологический охват статей М.Н. Каткова о Пушкине. Первый его фундаментальный труд относится к 1838 г., то есть фактически через год после смерти поэта, а последняя статья «Заслуга Пушкина» написана в 1880 г. Мало у кого из писателей того времени мы можем наблюдать такую долгую историю пушкиноведения. Катков в своих общественно-политических

взглядах, как известно, прошёл путь от либерала-англомана до крайнего монархиста. Одна из задач в свете заявленной нами темы – выяснить, менялись ли трактовки поэта Пушкина у М.Н. Каткова в разные периоды его публицистической деятельности. М.Н. Катков по преимуществу был политическим журналистом, а личность А.С. Пушкина уже вскоре после его смерти стала предметом мифологизации и использовалась в борьбе политических партий и доктрин [2].

Нельзя не отметить высокий профессионализм М.Н. Каткова как литературоведа, исследователя-филолога произведений А.С. Пушкина. Чего стоит хотя бы тот факт, что одно из суждений Каткова о Пушкине приводит с положительной оценкой¹ видный пушкинист В.В. Виноградов в своей монографии «Стиль Пушкина» (1941)! В основном тексте работы имя М.Н. Каткова по понятным причинам не указано (в советское время публицист был «заклеймён» как крайний реакционер), зато есть в примечаниях. Это обстоятельство, на наш взгляд, говорит о необходимости более пристального внимания к «пушкинским» статьям Каткова, несколько менее известным по сравнению с его же выступлениями по проблеме нигилизма или по вопросу об образовании.

Первой работой М.Н. Каткова о Пушкине стал перевод фундаментального труда хорошо известного в России немецкого литературоведа и политика Карла Августа Варнгагена-фон-Энзе, близкого кружку Н.В. Станкевича. М.П. Алексеев в своей статье, опубликованной в 1938 г., много говорит об этой работе как о первом столь подробном разборе творчества поэта в европейском литературоведении, решившим «задачу истолковать Пушкина на основе изучения подлинного русского текста» [4, с. 132]. Далее им сообщается, что «статья была восторженно встречена в России, перевод её появился в двух русских журналах 1839 года» [4, с. 133]. Имя переводчика М.Н. Каткова, естественно, М.П. Алексеевым не называется, а ведь именно перевод Каткова стал основным для труда Варнгагена-фон-Энзе [4].

Интересно пояснение самого М.Н. Каткова, обнаруживаемое в его письме в редакцию: «...Какой-то жалкий, неверный перевод самовольно назвал себя статью Варнгагена о Пушкине и пустился уже вместе с журналом, принявшим его в свои объятия, бродить по миру и вводить в заблуждение честных людей. В самом деле этой статье суждена была странная и жалкая участь у нас на Руси: ни для кого не могла она иметь такого интереса, как для нас, и между тем прежде, нежели наша публика познакомилась с нею, как уже явилась какая-то странная фигура и незаконно овладела её правами... вспомните, что здесь дело идёт о Пушкине, о нашей родной славе, о нашей народной гордости. Что, если до Варнгагена дойдут слухи о том, как приветствовали у нас его статью? Что, если он услышит, что в одном русском журнале, напечатавшем *перевод*² его статьи, произнесён также и отзыв о ней, отзыв, в котором она признана не заслуживающею никакого внимания, пустою и не умевшею прикрыть своей пустоты даже особенною манерою выражаться, свойственною будто бы немцам и т. д.? Ведь он профан в наших журнальных делах, ведь он, пожалуй, подумает, что журнал, принявший так радушно его, пользуется большим весом и служит органом

¹ «Хорошо было сказано» [3, с. 36].

² Курсив здесь и далее наш. – А.Б.

общего мнения, – и тогда какой повод к укоризнам в нашу литературу» (З.П., с. 53–54).

Перевод труда Варнгагена-фон-Энзе Катков снабжает предисловием, где он рассуждает о значении А.С. Пушкина. Рубеж 30–40-х годов XIX в. – время либеральных тенденций в умонастроении одного из «младших» друзей В.Г. Белинского, посетителя кружка Н.В. Станкевича, и это находит своё отражение в трактовке А.С. Пушкина Катковым. Он отмечает наднациональное значение поэта: «Пушкин – поэт всемирный, стоящий наряду с теми немногими, на которых с благоговением взирает целое человечество» (З.П., с. 55). Или: «Пушкин – поэт не одной какой-нибудь эпохи, а поэт целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира» (З.П., с. 55). Ценность А.С. Пушкина Катков видит в том, что тот как бы вводит нас в мировую семью просвещённых народов: «Глубока душа русская! Нужна гигантская мощь, чтобы исследить её. Пушкин исследил её и победоносно вышел из неё и извлёк с собою на свет всё затаённое, всё тёмное, крившееся в ней... Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире» (З.П., с. 55). М.Н. Катков подчёркивает, что труд К.А. Варнгагена-фон-Энзе вышел в журнале, основанном одним из творцов немецкой классической философии и философии романтизма Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем: «В лице Гегеля подаёт нам руку Германия, в лице Германии – вся Европа, целое человечество. Слышите ли? – Нас уже не называют учениками и подражателями... Слышите ли? – К нам взывают наши учителя как равные к равным» (З.П., с. 56).

В статье М.Н. Катков-переводчик делает примечание: «Надобно отличать народное от национального. Народным должно называть всё то, что вытекает из естественного состояния народа, состояния, в котором дух безразлично слит с природою; национальное же – всё то, что напечатлено самосознающим, развивающимся духом какого-либо народа как органической части целого человечества, как *нации*. Мы говорим: “народные русские песни”, мы скажем: “поэт национальный”. Между этими двумя словами такое же различие, как и между словами “индивидуальный” и “личный”» (З.П., с. 61).

Итак, А.С. Пушкин, по М.Н. Каткову, разрешает для русского народа лелеемую мечту западников (ср. «Философические письма» П.Я. Чаадаева) о вхождении в семью просвещённых наций человечества. Таков главный пафос труда М.Н. Каткова конца 1830-х гг.

В рецензии 1840 г. на сказку П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» у М.Н. Каткова снова появился повод обозначить своё отношение к А.С. Пушкину, отделить поэта от многочисленных подражателей, к которым он отнёс и П.П. Ершова. На этот раз гораздо подробнее он останавливается на теме, что же есть «народность»: «К несчастью, Пушкин всегда пил горькую чашу от своих подражателей. Его выстраданный стих превратился у них в жестоко-тоскливую мизантропию, его народная сказка – в рифмованные нелепости, выезжающие на площадных выражениях. Да помилуйте, ради Бога, неужели народность состоит в том, чтобы говорить по-мужицки?.. Нет! Не такую является сказка Пушкина. Он не считает её за шутку, которую можно писать с грехом пополам, болтая всякий вздор и оскорбляя русское ухо. В Пушкине был жив дух народный; вот отчего он и мог легко сдружиться с формою народной сказки, не прибегая

к повторению уличного идиома; вот отчего вымысел в его сказке грациозен и вместе народен, а не ряд нелепостей, из которых иногда нельзя составить себе представления» (З.П., с. 166).

Итак, быть «народным» не значит «говорить по-мужицки», идеальное произведение грациозно и вместе с тем народно. Замечание вполне в духе либерально-западнической эстетической критики. А.С. Пушкин, по мнению Каткова, именно таков, он истинно народен.

Следующее обращение М.Н. Каткова к творчеству Пушкина состоялось в 1855 г., по следам первого вышедшего собрания сочинения поэта, составленного П.В. Анненковым. Для него это стало поводом к уже собственному (непереводному) подробному критическому разбору феномена А.С. Пушкина. Объёмный очерк, как мы уже упоминали, высоко был оценён Н.Г. Чернышевским, хотя и выражал иной взгляд на поэта, чем делал «Современник». Здесь М.Н. Катков подробно размышляет о самых разных сторонах творчества А.С. Пушкина, о его поэзии, прозе и драматургии, блестяще раскрывается в новом для себя амплу литературного критика. Нам же остаётся только пожалеть, что в дальнейшем он полностью переключился на работу политического журналиста, оставив литературоведческие исследования.

Катков вступает за Пушкина-художника, защищая его от вульгарно утилитаристских нападок, резонно указывая поборникам пользы в искусстве, что «самые, если позволено будет так выразиться, специальные произведения искусства не остаются без действия на жизнь, и действие их может оказаться там, где мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатление прекрасного так и заглохнет в эстетическом чувстве? Что оно ни во что ещё не переходит, ни в чём ещё не выражается? Мы же думаем, что истинное образование невозможно без этого элемента, и история своими примерами подтверждает наше мнение. <...> Народы самые практические отличались высоким и сильным развитием умственной и художественной деятельности, которая, по-видимому, была совершенно чужда текущих вопросов и дневных интересов, но которая в самом-то деле была совершенно необходима для успехов жизни» (З.П., с. 265–266).

С другой стороны, столь же вульгарна и формула «искусство для искусства», вопрос о подлинном назначении искусства можно и должно ставить, и вот какой ответ на это даёт М.Н. Катков: «Поэзия, в истинном смысле, есть познающая мысль, направленная на всё то, что не подвластно отвлечённому мышлению. Это бесконечное разнообразие жизни, эта неисчислимая полнота существований, этот мир души человеческой, незримый, но столь же действительный и столь же неистощимый в своих явлениях, как и видимый мир, этот мир человеческих отношений и сил, которые непосредственно действуют в них и управляют ими, – всё это требует постигающего понятия, всё это также должно быть предметом ясного и для всех выраженного знания, и это познание от начала века ведётся в том, что мы зовём художеством и поэзией» (З.П., с. 255).

Итак, поэзия «может и должна быть понимаема как знание», «первая цель искусства – есть истина» (З.П., с. 260). Более того, развитие искусства способствует развитию гражданского общества, но вовсе не так, как это себе представляют утилитаристы, проповедующие «пользу», а именно через эстетику, культивацию прекрасного у воспринимающей искусство аудитории: «Мы так

гордимся этими успехами гражданственности и с таким ужасом озираемся назад, когда в обществе ещё не чувствовалось присутствие эстетического начала <...>, а между тем изящество жизни впервые выработалось в тех сферах, которые казались нам бесплодными, впервые развилось оно в тех чистых созерцаниях мысли, которые могли казаться совершенно бесполезными для жизни. Линии Рафаэля не решали никакого практического вопроса из современного ему быта; но великое благо и великую пользу принесли они с течением времени для жизни; они могущественно содействовали его очеловечиванию. <...> Не заставляйте художника братья за “метлу”, как выразился Пушкин в стихотворении “Чернь”. Поверьте, тут-то и мало будет пользы от него. Пусть, напротив, он делает своё дело; оставьте ему его “вдохновение”, его “сладкие звуки”, его “молитвы”. Если только вдохновение его будет истинным, он, не заботясь, будет полезен» (З.П., с. 266–267).

Одно из важных качеств талантливого публициста М.Н. Каткова – умение тонко чувствовать повестку дня, что заметно даже в его литературно-критических статьях. Середина 50-х годов, ознаменованная кончиной императора Николая I, пробуждением общества в преддверии новой эры российской государственности после отмены крепостного права, сформировала запрос на новую гражданственность, консолидацию и активное вовлечение к участию в политической жизни страны российских интеллектуалов. Не случайно Катков отстаивает свободу искусства от рабского подчинения «общественной пользе», не просто обращает к праву художника, как делали многие приверженцы теории «чистого искусства». Напротив, он настаивает, что это в интересах самого же гражданского общества, способствует росту общественного и политического сознания российских подданных. «Утилитаристы» и социалисты «Современника» совершенно безосновательно претендуют на монополию в утверждении гражданских начал у российской публики, М.Н. Катков в новом журнале «Русский вестник» утверждает свою, выгодно отличающуюся от вульгарно-демократической, концепцию общественной значимости искусства, делая А.С. Пушкина своим знаменем.

В работе 1855 г. о Пушкине М.Н. Катков вновь возвращается к теме национального и народного, но здесь уже нам видны черты, характерные для позднего Каткова – русского государственника. Если в конце 30-х годов М.Н. Катков основной заслугой Пушкина ставил приобщение русского народа к народам Европы, то полтора десятилетия спустя он уже говорит о роли поэта в приобщении малых народов империи к русскому народу и русской культуре.

«Пушкин имел полное право сказать о себе:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Множество разнообразных племён, населяющих наше отечество, должны вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству. Для этих племён русская народность есть единственный путь к человеческому образованию, и они “назовут имя Пушкина”» (З.П., с. 275). Поэт предстаёт *собирателем народов* в единую империю.

В этой же связи понимается теперь и «всемирность» А.С. Пушкина. Если раньше М.Н. Катков подчёркивал, что русский народ не ниже других народов и А.С. Пушкин не ниже других поэтов, сам Гегель подаёт нам руку, то в 1855 г. это означает ещё и нашу самостоятельность *языковую* и *цивилизационную*. Мы *цивилизационно* равны другим народам, и поэтому можем вести свою линию в политике, литературе и иных сферах: «...Гением его [Пушкина] завершён ряд славных усилий, которые дали русскому слову силу всемирную, силу служить прекрасным орудием духу жизни и развития. Первый и главный признак полного равновесия, в какое поэзия Пушкина привела все стихии русской речи, видим мы в совершенной свободе её движений. В ней не осталось и следа той дикой застенчивости, с какой речения и формы различных слоёв языка отказывались, бывало, вступать в близкую связь и служить выражением одной и той же мысли... Такое движение мысли по всем слоям языка с ровной лёгкостью показывает, что борьба между стихиями языка прекратилась, что всякая напряжённость в их взаимных отношениях исчезла, что всё разнородное совместилось, и что настала пора внутреннего развития мысли, которому язык служит только органом, не занимая, не развлекая, не стесняя её своей неурядицей. У Пушкина впервые легко и непринуждённо сошлись в одну речь и церковно-славянская форма, и народное речение, и речение этимологически чуждое, но усвоенное мыслью как её собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всеми языками равно признанное выражение» (З.П., с. 275).

После 1861 г. начинается поправление М.Н. Каткова. Он возглавил лагерь охранителей, вёл жёсткую полемику с нигилистами, постепенно перешёл от прежних либеральных взглядов в сторону крайнего консерватизма, приверженности неограниченного самодержавия. Обращения его к фигуре А.С. Пушкина в этот период отражают названные тенденции.

Основные катковские статьи 1861 г. направлены против «Современника», Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Нами подробно разобраны они в диссертации (см., например, [5, 6]) и монографии, посвящённой русской публицистике по нигилистическому вопросу 1860–1870 гг. [7]. Литературная критика в это время уступила место политической полемике, а имя А.С. Пушкина становится важным символом, дополнительным аргументом в противостоянии «мы» и «они». Разумеется, понятно, с кем оказывался А.С. Пушкин в статьях у М.Н. Каткова: «Нам ставили в укор отсутствие литературных рассуждений в нашем издании именно те журналы, где с тупым доктринёрством или с мальчишеским забиячеством проповедывалась теория, лишаящая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью все литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на название национального поэта, а Гоголю оказывалось снисхождение только за его сомнительное свойство обличителя» (З.П., с. 310).

В другой статье 1861 г. «Наш язык и что такое свистуны», также направленной против «Современника», несколько абзацев посвящено А.С. Пушкину. Теперь в устах Каткова А.С. Пушкин – патриот России, проводник традиционных ценностей, он противостоит западному доктринёрству и либеральной псевдосвободе: «Пушкин действительно выразил момент жизни нашего общества, и мы чувствуем понятные нам указания этой жизни; он, может быть, коснулся и более глубоких основ её, которые могли бы иметь всемирное значение, но эти

намёки неясны для нас самих, не только для кого-нибудь со стороны; мы сами сомневаемся и спорим об их значении. Мы ещё продолжаем поднимать вопрос, не глупо ли поступила Татьяна Пушкина, что поставила долг выше влечения страсти и не бросилась на шею к притупленному франту, который воспылал к ней страстью, когда она стала ему недоступна. Самое зрелое и самое лучшее в его поэзии мы меряем дрянным мертворождённым либерализмом, вычитанным и налганным и кроме тления ничего не производящим» (З.П., с. 346).

Итак, всё более и более под пером М.Н. Каткова А.С. Пушкин делается *национальным* поэтом, проводником традиционных *охранительных* начал. При этом «Пушкин – великий поэт, и мы чувствуем, что по силе творчества он не уступит никому» (З.П., с. 346), что даёт ему право в утверждении этих ценностей – не оглядываться на Запад, а вместе – и самой русской цивилизации ощутить свою самостоятельность и «взрослость», нести свои идеалы, не боясь критики и поправки со стороны представителей европейских цивилизованных народов и прикрывающегося западным происхождением нашего «мертворождённого либерализма».

Именно М.Н. Катков в 1871 г. первым предложил место для будущего знаменитого памятника А.С. Пушкину в Москве на Тверском бульваре, раскритиковав озвученное прежде него в какой-то из столичных газет предложение поставить памятник поэту на Театральной площади. В передовице от 3 августа 1871 г. «Богдан Хмельницкий, Екатерина II и Пушкин. Где лучше всего поставить памятник Пушкину» Катков ещё раз закрепляет статус поэта для современной ему России. И Пушкин, и Хмельницкий, и Екатерина II – «знаменательные имена, обозначающие лестницу восхождения России от неизвестного, полуазиатского государства на степень великой европейской державы и цивилизованной нации» (З.П., с. 637). Здесь же он подчёркивает и новый государственный статус культуры в России, приобретённый с А.С. Пушкиным: «На столичных площадях признавалось приличным ставить памятники только людям, ознаменовавшим себя заслугами государственными, и преимущественно военными; памятник Пушкина, не чиновного, но славного сына русской земли, станет среди Москвы, как дедушка Крылов стоит на берегу Невы» (З.П., с. 638).

Итак, А.С. Пушкин – *государственный* человек, «ознаменовавший себя заслугами государственными» (З.П., с. 637). Не случаен и ряд, выстроенный М.Н. Катковым: Екатерина Великая, Богдан Михайлович Хмельницкий, Александр Сергеевич Пушкин. Не столько уже даже поэт, сколько политик, именем которого Россия приобрела новый статус на мировой арене.

Открытие памятника в 1880 г. стало последним по времени поводом обращения выдающегося публициста М.Н. Каткова (как бы к нему ни относились из-за его политических взглядов в разные годы нашей истории) к личности А.С. Пушкина. Этому предшествовали драматические события: была попытка либеральной интеллигенции не допустить Каткова к участию в торжественном открытии памятника. К 1880 г. для многих интеллектуалов фигура цепного пса на страже самодержавия³, идеолога многих непопулярных реформ 70-х годов

³ В воспоминаниях Н.А. Любимова, ближайшего соратника Каткова: «Раз, незадолго до кончины, [он] охарактеризовал совокупность своей деятельности, назвав себя государственным сторожевым псом, охранявшим достояние Хозяина и чующим, если в доме что-нибудь не ладно» [8, с. 16].

стала синонимом реакции и обскурантизма. А с приходом нового министра М.Т. Лорис-Меликова и начавшейся с ним либерализации правительственного курса бывший всеильный М.Н. Катков оказался ещё и в оппозиции к действующему правительству (ибо не менял своих взглядов в угоду нового кабинета). За Каткова вступились, и бойкот был отменён, хотя без скандала не обошлось. На церемонии торжественного открытия памятника И.С. Тургенев несколько раз демонстративно отказался пожимать Михаилу Никифоровичу руку.

Новые веяния, злоба дня востребовали совсем иные качества А.С. Пушкина. Теперь для М.Н. Каткова он – символ *единства нации*, символ *примирения*. Об этом публицист и сказал в своей речи, произнесённой в памятные дни: «На празднике Пушкина, перед его памятником собрались лица разных мнений, быть может, несогласных, быть может, неприязненных. Верно однако то, что все собрались добровольно и, стало быть, с искренним желанием почтить дорогую всем память. Я говорю под сению памятника Пушкина и потому надеюсь, что моё искреннее слово будет принято дружелюбно всеми без исключения» (З.П., с. 706).

В передовице «Московских ведомостей» от 5 июня 1880 г. «Заслуга Пушкина» М.Н. Катков более пространно рассуждает о значении поэта в современную эпоху. Если десять лет назад он говорил о государственном статусе, то теперь, напротив, подчёркивает: «Жизнь народа и его призвание не исчерпываются делом государственной нужды... Над царством нужды возвышается царство свободы, где всякий сам себе царь и где властвуют только вечные законы истины, блага и красоты, где народ достигает высоты человечества... В Пушкине всенародно чувствуется великий дар Божий. Ему не доводилось спасать отечество от врагов, но ему дано было украсить, возвысить и прославить свою народность» (З.П., с. 699–700).

Итак, не *государственность*, но *народность* – важнейшее качество А.С. Пушкина: «Язык – есть единящая сила народа <...>. Пушкин заставил не только своих, но и чужих полюбить наш язык, и в том его великая заслуга» (З.П., с. 700). И далее: «Не из среды, которой Пушкин был окружён, но из своих вдохновений вынес он и глубокое народное русское чувство, и свой исторический смысл, и свою веру в назначение русского народа» (З.П., с. 703).

В народности видит теперь М.Н. Катков и своё политическое обоснование, облекая свою партию в соответствующие термины, то есть не просто «охранительная» или «монархистская», но «русская» партия, и А.С. Пушкин у него в единомышленниках: «У нас теперь все толкуют о политических партиях. Не принадлежал ли Пушкин к какой-либо партии? Да, принадлежал. Воздавая хвалу Петру Великому, Пушкин ценил в Преобразователе особенно то, что он не презирал своей страны и верил в её предназначение. <...> “Предназначение русского народа”, это сказано Пушкиным.

Самодержавною рукой
Он (Пётр) смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной,
Он знал её предназначенье.

Кто из этих слов не узнает партии, к которой принадлежал Пушкин? Он принадлежал к *Русской партии*» (З.П., с. 704).

Итак, на протяжении почти пятидесятилетней публицистической деятельности М.Н. Катков с известной регулярностью возвращается к личности А.С. Пушкина, «сверяет» с ним свою общественно-политическую платформу, делая именно его союзником в борьбе с политическими и журнальными оппонентами, в озвучивании самых сокровенных идей и мнений о судьбе России. При том, что каждый раз мы видим в статьях М.Н. Каткова разных «Пушкиных»: то А.С. Пушкин вводит нас в семью цивилизованных европейских народов, делая одним из них, то, напротив, постулирует нашу независимость и самостоятельность, то он прежде всего национальный поэт, а не народный, то, напротив, именно народный поэт. Несмотря на все эти различные трактовки, вызванные, конечно, активной вовлечённостью политического журналиста М.Н. Каткова в веяния времени, живейший отклик и вчувствование в запросы публики, участие в литературно-политической полемике и т. д., мы можем говорить о глубочайшей любви и почтении А.С. Пушкина Катковым на всех этапах его журналистской деятельности.

М.Н. Катков – глубокий знаток творчества великого поэта, автор не только программных общественно-политических статей, посвящённых мировоззрению А.С. Пушкина, но и фундаментальных литературоведческих работ о писателе: «Отзыв иностранца о Пушкине» (1838), «Пушкин» (1855), редких примеров работы М.Н. Каткова в качестве литературного критика.

Политические трактовки А.С. Пушкина, предложенные М.Н. Катковым, могут рассматриваться в качестве примеров «политических медиа-технологий» середины XIX в., востребованных в разные времена: «Пушкин – государственный», «Пушкин – исток гражданственности русского общества», «Пушкин – представитель русской партии» (суть последнего: самодержавная партия есть русская). Похожие модели реализуются и на современной политической арене.

Все вышеизложенное убеждает нас в необходимости дальнейшего пристального и глубокого изучения наследия М.Н. Каткова, в частности его пушкинских статей, представляющих интерес как с литературной, журналистской, так и с политической точек зрения.

Summary

A.Sh. Bik-Bulatov. Journalistic Pushkiniana of M.N. Katkov.

The paper, for the first time in Russian history, considers the journalistic and literary critical statements of M.N. Katkov, a leader of the traditional conservative trend in political journalism during the late 19th century, devoted to A.S. Pushkin. M.N. Katkov's journalistic Pushkiniana is the most significant one among other contemporaries and covers the period from 1838 to 1880. M.N. Katkov numerously appealed to the figure of A.S. Pushkin throughout his journalistic activity. The interpretations of A.S. Pushkin by M.N. Katkov in different years are analyzed.

Keywords: M.N. Katkov, A.S. Pushkin, Journalistic Pushkiniana.

Источники

З.П. – Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. – СПб.: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН: Росток, 2010. – Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. – 848 с.

Литература

1. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 14 т. – М.: Гослитиздат, 1947. – Т. 3 – 884 с.
2. *Туманов Д.В.* Пушкиниана двух России: 1899–1945. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 215 с.
3. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. – М.: Гослитиздат, 1941. – 620 с.
4. *Алексеев М.П.* Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Вып. 3. – С. 104–151.
5. *Бик-Булатов А.Ш.* Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX века (1860-е годы): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 203 с.
6. *Бик-Булатов А.Ш.* Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX века (1860–1870-е гг.) // Журналистская наука в Казанском университете: концепции диссертационных исследований. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 588–602.
7. *Бик-Булатов А.Ш.* Русская журналистика 1860–1870-х годов: нигилистический дискурс. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 157 с.
8. *Любимов Н.А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1889. – 366 с.

Поступила в редакцию
07.08.14

Бик-Булатов Айрат Шамилевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: aiaibikbik@mail.ru